

М.А. Сейдинова*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: madina.seidinova@bk.ru)*

Международное право и коммерческое суррогатное материнство: запрещать или разрешать

Интенсивное развитие международных коммерческих соглашений о суррогатном материнстве создало серьезные этические и юридические дилеммы в отношении гражданства детей, рожденных суррогатными матерями, и отцовства детей, зачатых в соответствии с условиями коммерческого суррогатного материнства, а также возникновением проблемы потенциальной эксплуатации суррогатных матерей. В статье эти проблемы рассмотрены через призму международного права в области прав человека, чтобы выявить, следует ли государству применять запретительный или разрешительный подход в отношении этой практики. Автор статьи определяет коммерческое суррогатное материнство как практику или договоренность, согласно которой предполагаемый родитель (родители) выплачивает суррогатной матери прямо или через посредника финансовое вознаграждение сверх фактических личных расходов, понесенных суррогатной матерью. Утверждается, что право на неприкосновенность частной жизни является достаточно широким, чтобы охватывать право на заключение соглашения о суррогатном материнстве. Однако государства могут ограничить это право, если это необходимо для защиты прав других лиц и/или защиты общественной морали. В этом контексте коммерческое суррогатное материнство проблематично по нескольким причинам. Во-первых, имеются веские основания полагать, что это равносильно продаже ребенка. Во-вторых, есть доводы, что коммерческое суррогатное материнство неприемлемо с моральной точки зрения, поскольку усиливает гендерное неравенство. Сложно обеспечить достаточную защиту от потенциальной эксплуатации суррогатных матерей (особенно в развивающихся странах, где женщины часто соглашаются на коммерческое суррогатное материнство по причине бедности). Если любой из этих аргументов будет принят, то в рамках международного права можно требовать от государств запретить коммерческое суррогатное материнство. Более того, даже если эти аргументы останутся спорными, они все же могут полагаться на эти аргументы для оправдания запрета коммерческого суррогатного материнства. Этот вывод имеет серьезные последствия для любого потенциального многостороннего договора, регулирующего международное коммерческое суррогатное материнство, если только он не запрещает эту практику, и в этом случае его полезность будет ограничена, учитывая практически отсутствие спроса на международное альтруистическое суррогатное материнство.

Ключевые слова: права детей, коммерческое суррогатное материнство, права человека, международное право, международное частное право, права женщин, разрешительный подход, запретительный подход, государство.

Введение

В последние десятилетия наблюдается рост международного коммерческого суррогатного материнства. Так, согласно данным отчета Бюро Гаагской конференции по международному частному праву, рост рынка коммерческих соглашений о суррогатном материнстве вырос на 1000 % в период с

* Автор-корреспондент. E-mail: madina.seidinova@bk.ru

2006 по 2010 год [1; 317]. Это создало серьезные юридические и этические дилеммы в отношении гражданства детей, рожденных от суррогатных матерей, и отцовства для детей, зачатых в соответствии с этими коммерческими соглашениями, а также вызвало дискуссии по проблеме потенциальной эксплуатации суррогатных матерей. Эти юридические и этические дилеммы были рассмотрены на Гаагской конференции по международному частному праву. Постоянное бюро этой конференции подготовило два предварительных доклада [2], направленных на рассмотрение практических потребностей в области суррогатного материнства и изучение возможности многосторонних договоренностей по вопросам международного частного права, возникающих в связи с международными соглашениями о суррогатном материнстве.

Долгое время Постоянное бюро Гаагской конференции по международному частному праву игнорировало соображения международного публичного права. Основные права и интересы детей и различные международные документы по правам человека были определены как «необходимые для включения в любую многостороннюю конвенцию», но при этом «права детей, вероятно, не являются препятствием для приемлемости коммерческого суррогатного материнства» [3]. Хотя ссылки на права человека и защиту интересов детей часто упоминаются в академических комментариях в этой области, их трактовка, как правило, носит случайный и поверхностный характер.

Коммерческое суррогатное материнство определяется как практика или как договоренность, согласно которой предполагаемый родитель (родители) выплачивает суррогатной матери прямо или через посредника финансовое вознаграждение сверх фактических личных расходов, понесенных суррогатной матерью. Утверждается, что право на неприкосновенность частной жизни является достаточно широким, чтобы охватывать право на заключение соглашения о суррогатном материнстве. Однако государства могут ограничить это право, если это необходимо для защиты прав других лиц и/или защиты общественной морали. В этом контексте коммерческое суррогатное материнство проблематично по трем причинам. Во-первых, имеются веские основания полагать, что это равносильно продаже ребенка в соответствии со статьей 35 Конвенции о правах ребенка (далее — КПП) [4] и Факультативным протоколом к КПП о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии (далее — Факультативный протокол КПП) [5].

Во-вторых, есть аргумент, что коммерческое суррогатное материнство неприемлемо с моральной точки зрения, так как усиливает гендерное неравенство. Сложно обеспечить достаточную защиту от потенциальной эксплуатации суррогатных матерей (особенно в развивающихся странах, где бедные женщины часто прибегают к суррогатному материнству с целью заработка). Если любой из этих аргументов будет принят, то в рамках международного права можно требовать от государств запретить коммерческое суррогатное материнство. Более того, даже если эти аргументы останутся спорными, предоставляемые государствам при выполнении их обязательств в области прав человека, таковы, что они все же могут полагаться на эти аргументы для оправдания запрета коммерческого суррогатного материнства. Этот вывод имеет серьезные последствия для любого потенциального многостороннего договора, регулирующего международное коммерческое суррогатное материнство, если только он не запрещает эту практику, и в этом случае его полезность будет ограничена, учитывая практически отсутствие спроса на международное альтруистическое суррогатное материнство. Это связано с тем, что было бы неуместно и, возможно, несовместимо с обязательствами по международному праву, если бы запретительное государство ратифицировало договор, который облегчает и признает коммерческое суррогатное материнство, осуществляемое в разрешительном государстве. Разрешающие же государства могут захотеть ратифицировать такой договор. Однако таких государств мало (Украина, Грузия, Россия, Казахстан, Таиланд, Уганда, Индия и 18 штатов США), и реальность такова, что рост международного коммерческого суррогатного материнства обусловлен спросом на детей со стороны потенциальных родителей, живущих в государствах с запретительными мерами. Таким образом, в промежуточный период государства, выступающие за запрет, должны выработать принципиальный и прагматичный ответ на этические и юридические дилеммы, возникающие, когда их граждане прибывают на границу с ребенком неизвестного происхождения и гражданства.

В свете обсуждения этих сложных вопросов настоящая статья разделена на две части. Первая часть определяет актуальность международного права в области прав человека и права будущих родителей. Вторая часть определяет потенциальные угрозы, возникающие в результате коммерческого суррогатного материнства для прав детей и суррогатных матерей, и исследует, можно ли устранить эти угрозы посредством регулирования или запрета. Особое внимание уделяется тому, связано ли

коммерческое суррогатное материнство с продажей ребенка и обязательно ли оно является эксплуатацией суррогатных матерей или усиливает гендерное неравенство.

Материалы и методы исследования

Автор в процессе исследования данной темы использовал метод юридической формальной логики в виде дедукции и индукции. Благодаря дедукции удалось делать умозаключение от общего к частному к соответствующему опыту регулирования суррогатного материнства в разных странах. Завершив анализ международного опыта регулирования суррогатного материнства, автор сформулировал окончательный вывод, переходя от частному к общему.

Сравнительный анализ опыта регулирования суррогатного материнства и экспертных дискуссий о причинах существования коммерческого суррогатного материнства позволил предложить легализовать суррогатное материнство, а не использовать запретительные и/или ограничительные меры. Методом научного прогнозирования автор предлагает сформулировать пакет международных норм, с целью регламентации суррогатного материнства на международном уровне.

Результаты и обсуждение

Постоянное бюро Гаагской конференции по международному частному праву отметило необходимость учитывать права, имеющие отношение к международному суррогатному материнству [6]. Эта ссылка на международно-правовые обязательства как на те, которые необходимо соблюдать проблематична по трем причинам. Во-первых, международные документы по правам человека не просто «необходимо соблюдать». Они налагают обязательные международно-правовые обязательства, которые государства-участники должны соблюдать в надлежащем порядке. Во-вторых, существует риск маргинализации роли международного публичного права в решении вопросов, связанных с международным суррогатным материнством. Справедливости ради следует отметить, что в отчете Постоянного бюро признается актуальность международных прав человека для многостороннего частного права, однако он упускает из виду вопрос о том, совместимы ли механизмы суррогатного материнства с правами человека. Это создает впечатление, что права человека имеют отношение только к разрешительному режиму регулирования. Комиссия по международному праву подчеркнула необходимость согласованности, а не фрагментации международного права [7]. Таким образом, любой подход к международному суррогатному материнству должен быть согласован и основываться на международном праве в области прав человека.

Еще одной проблемой является тенденция Постоянного бюро ограничивать роль дискурса прав человека своей нормативной функцией и при этом упускать из виду его инструментальные возможности. Другими словами, Постоянное бюро рискует рассматривать права человека исключительно как стандарты, которым необходимо соответствовать, игнорируя при этом способность этого дискурса предложить средства, с помощью которых можно концептуализировать международное суррогатное материнство и обеспечить методологию разрешения конкурирующих прав. Таким образом, подход Постоянного бюро, как правило, рассматривает права человека как цели, которые необходимо защищать при разработке ответных мер в рамках международного частного права в области международного суррогатного материнства, а не как средства для обоснования этого ответа. Наконец, обращение к правам человека просто как к «потребностям» упускает из виду не только их правовой статус, но и их моральное значение. Права человека, согласованные государствами в международных договорах, отражают, по общему признанию, недостаточно теоретизированную моральную концепцию отношений между государством и личностью [8]. Таким образом, этот дискурс может играть информативную роль в решении этических дилемм, связанных с международными коммерческими договоренностями о суррогатном материнстве.

В области изучения прав человека для решения сложных социальных проблем, в том числе суррогатного материнства, существует несколько подходов — от избирательного, поверхностного и риторического подходов до подхода, основанного на материальных правах человека. В контексте международного коммерческого суррогатного материнства, например, могут быть приняты альтернативные дискурсы, включая этику, религию или политическую идеологию, такую как либерализм.

Ссылка Постоянного бюро на права человека как на «необходимые меры» отражает элементы этого подхода. Однако его ссылка на конкретные права, относящиеся к ребенку, предполагает, что права человека могут быть чем-то большим, чем просто второстепенным.

Избирательный подход предполагает существенное, а не случайное взаимодействие с правами. Однако участие является избирательным в том смысле, что определяется конкретное право или права, в то время как другие соответствующие права игнорируются. Обычно это происходит, когда право выбирается для поддержки или защиты определенного решения или подхода. Например, противники международного коммерческого суррогатного материнства могут ссылаться на право ребенка знать своих родителей (статьи 7 и 8 КПП), чтобы возразить против этой практики, не принимая во внимание права предполагаемых родителей или суррогатной матери. В качестве альтернативы сторонники могут ссылаться на право на репродуктивное здоровье в соответствии со статьей 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [9] или право на создание семьи в соответствии со статьей 23(2) Международного пакта о гражданских и политических правах [10], не принимая во внимание потенциальное влияние суррогатного материнства на права детей. При таком подходе право выбирается потому, что оно соответствует конкретной повестке для лица, принимающего решение, или защитника.

Поверхностный подход, основанный на правах, предполагает определение релевантности прав проблеме, которые затем становятся ключевым элементом аргументации, предлагаемой для решения проблемы. Тем не менее, мнимое участие в дискурсе прав остается поверхностным, потому что не учитывается объем и характер рассматриваемых прав или слабая оценка того, как они должны быть сбалансированы с конкурирующими соображениями. Это общая черта комментариев относительно международного коммерческого суррогатного материнства.

Риторический подход разделяет аналитические недостатки поверхностного подхода, однако большее внимание уделяется формулировке прав. Права при риторическом подходе цитируются как организующий принцип, вокруг которого должны решаться вопросы, и на них постоянно ссылаются, хотя и риторически.

Подход, основанный на материальных правах, имеет три отличительные особенности: 1. Соответствующие вопросы концептуализируются с точки зрения затронутых прав. 2. Изучается содержание этих прав и сопутствующих им обязательств. 3. Принята и используется общепринятая методология, основанная на правах, для разрешения конкурирующих требований о правах [1].

Как же тогда выглядит этот подход в контексте международного коммерческого суррогатного материнства? С точки зрения предполагаемого родителя (-ей) право на репродуктивное здоровье, право на создание семьи и право на уважение частной и семейной жизни обычно определяются как актуальные. Права на недискриминацию в соответствии со статьями 2 и 26 МПГПП также относятся к гомосексуальным парам или лицам, которым отказано в доступе к услугам, необходимым для облегчения суррогатной беременности, в обстоятельствах, когда гетеросексуальная пара имела бы доступ к таким услугам [11]. Основное содержание этих прав дает право будущим родителям заключать соглашение о суррогатном материнстве?

Сомнительно, поддерживает ли право на репродуктивное здоровье. Это право в значительной степени связано с расширением прав и возможностей женщин в отношении их репродуктивного здоровья и обеспечением доступа к просвещению в области сексуального и репродуктивного здоровья, информации о здоровых интервалах между детьми и права на здоровую половую жизнь. Важно поддержать аргумент о том, что будущая мать, которая не может иметь детей, может использовать свое право на репродуктивное здоровье, чтобы заручиться репродуктивной способностью другой женщины. Сфера действия права на создание семьи в значительной степени игнорировалась. Примечательно, что значение слова «семья» не ограничивается в соответствии с международным правом традиционной нуклеарной семьей и распространяется на создание современных семейных образований, которые теперь возможны в результате достижений в области репродуктивных технологий [12]. Таким образом, суррогатное материнство может рассматриваться как осуществление права на создание семьи. Однако даже если бы этот аргумент не был принят, объем права на уважение частной жизни и семьи в соответствии со статьей 17 КПП [4] таков, что он дает будущим родителям право заключать соглашения о суррогатном материнстве. Это положение находит поддержку в недавнем решении Большой палаты Европейского суда по правам человека, в котором суд подтвердил, что «понятие частной жизни... является широким понятием, которое охватывает, среди прочего, право устанавливать и развивать отношения» с другими людьми». Европейский суд пошел дальше, заявив, что он также включает «право на уважение решений как иметь, так и не иметь ребенка» и что «право пары зачать ребенка и сделать использование вспомогательной медицинской помощи для этой цели также защищено [правом на неприкосновенность частной жизни], поскольку такой выбор является выраже-

нием частной и семейной жизни» [1; 317–352]. Логика может быть распространена на такие договоренности, потому что соглашения о суррогатном материнстве по обоюдному согласию отражают волю предполагаемых родителей и суррогатной матери вступить в личные отношения. Тот факт, что целью этих отношений является создание и вынашивание ребенка, возможно, не имеет значения для оценки того, защищены ли отношения правом на неприкосновенность частной жизни. Действительно, эта точка зрения согласуется с фундаментальным либеральным принципом, согласно которому лица, давшие согласие, должны быть свободны вступать в любые отношения, которые не причиняют вреда другим.

Международное право и права будущих родителей

Важно отметить, что международное право в области прав человека отражает этот принцип, устанавливая, что право на уважение частной жизни и семьи не может быть предметом произвольного или незаконного вмешательства. При оценке разумности любого вмешательства необходимо учитывать два общих вопроса: было ли вмешательство ответом на насущную социальную потребность или преследовало законную цель; и были ли меры, использованные для достижения этой цели, соразмерными или оправданными. Цель считается законной, если она обеспечивает признания и уважение прав других лиц и/или защищает нравственность, общественный порядок или благосостояние государства [13]. Меры будут считаться соразмерными, когда существует рациональная связь между мерой, предпринятой для достижения цели (которая обычно требует доказательств), и когда для достижения цели разумно доступны менее ограничительные меры. Это означает, что, если право на уважение частной жизни и семейной жизни включает в себя право заключать соглашения о суррогатном материнстве, это право по-прежнему зависит от способности государства (и потенциального обязательства) ограничить это, когда это разумно необходимо для: 1) защиты прав лиц, кроме предполагаемых родителей и /или 2) защиты общественной морали. Это, в свою очередь, требует от государств учитывать конкурирующие права и более широкую тему общественной морали в своей поддержке и/или ограничениях суррогатного материнства.

С точки зрения ребенка широкий спектр прав, в основном изложенных в КПП, потенциально применим в контексте коммерческого суррогатного материнства. Для текущих целей эти права сгруппированы по трем широким темам: права на идентичность и взаимоотношения, права на развитие и права на защиту. Изучение этих прав показывает, что теоретически регулирование будет касаться многих потенциальных нарушений прав ребенка. Однако есть веские аргументы в пользу того, что коммерческие схемы суррогатного материнства приравниваются к продаже ребенка, и в этом случае международное право в области прав человека требует, чтобы эта практика была запрещена.

Права на идентичность и родственные связи в КПП предоставляет детям право знать своих родителей и получать о них заботу, а также право на сохранение своей идентичности, включая семейные отношения. Таким образом, международное право придает особое значение отношениям между родителями и детьми. Однако оно не предлагает определения таких терминов, как «родитель», «личность» или «семейные отношения». Это не проблематично в контексте ребенка, зачатого без вспомогательных репродуктивных технологий двумя гетеросексуальными партнерами. В таких обстоятельствах обычное значение слова «родители» отражает двух индивидуумов, имеющих прямую биологическую, гестационную и социальную связь с ребенком. Однако современные репродуктивные технологии допускают участие нескольких лиц в принятии решения о рождении ребенка и уходе за ним.

В контексте соглашения о суррогатном материнстве минимум три человека (гестационная/суррогатная мать и будущие родители, если их генетический материал используется для создания эмбриона) и, возможно, пять (суррогатная мать, биологическая мать, биологический отец и два вводящих в эксплуатацию родители) могут играть определенную роль. Должны ли все эти лица быть признаны родителями? Такой подход, безусловно, бросил бы вызов дуалистической и гетеросексистской концепции отцовства, которая доминирует в большинстве правовых систем мира. Но требует ли такой подход международное право? Хотя Комитет по правам ребенка специально не занимался этим вопросом, он признал, что международное право допускает и признает различные семейные образования. Это открывает возможность для признания более чем двух родителей. Согласно этой модели, гестационная мать в Индии, биологическая мать из Украины, которая пожертвовала свою яйцеклетку, биологический отец из США, который пожертвовал свою сперму, и заказчики (потенциальные родители) из Австралии — все они могут быть признаны родителями. Если бы такая модель была принята, для каждого родителя было бы практически невозможно физически заботиться о ребенке в смыс-

ле, предусмотренном статьей 7 КПП. Но статья 7 предусматривает только то, что помощь будет предоставляться настолько, насколько это возможно. Эта квалификация является уступкой тому факту, что, как бы он ни определялся, родители ребенка могут быть либо неизвестны, либо не иметь никакого желания заботиться о ребенке. Таким образом, в контексте суррогатного материнства, когда гестационная мать и биологические родители не желают заботиться о ребенке, возможно, не будет нарушения прав ребенка по статье 7 КПП, поскольку это невозможно. Однако ребенок имеет право знать личность своих родителей. Такая возможность существует, потому что государство может настаивать на том, чтобы любая организация, стремящаяся содействовать суррогатному материнству, вела записи о вовлеченных в суррогатное материнство лицах [14]. Затем эта информация может быть предоставлена ребенку в надлежащее время. Важно отметить, что в рамках этой модели можно было бы обеспечить, чтобы организация суррогатного материнства не нарушала право ребенка знать своих родителей. Противники модели множественного отцовства утверждают, что это создаст путаницу в отношении юридических последствий отцовства. В ответ можно было бы предложить обеспечить, чтобы внутреннее законодательство государства предусматривало разные последствия для разных типов отцовства. Так, например, биологические родители и суррогатная мать могут не иметь обязательств или прав в отношении ребенка, а традиционные права и обязанности, связанные с биологическим родительством, предположительно переходят к предполагаемым родителям. Опять же, этот сценарий будет соответствовать правам ребенка в соответствии со статьей 7 КПП и потребует от государств просто регулировать, а не запрещать механизмы суррогатного материнства.

Альтернативным подходом является «интенционалистский» подход к отцовству, при котором соответствующие намерения каждого человека будут использоваться для предполагаемой идентификации родителей. Эксперты часто предпочитают этот подход на том основании, что применение «биологического» или «гестационного» подхода для определения отцовства исключает признание предполагаемых родителей. Однако, с точки зрения ребенка, такой подход проблематичен по двум причинам. Во-первых, он настаивает на дуалистической парадигме отцовства, которая несовместима с жизненным опытом детей в других семейных отношениях. Например, дети, рожденные с использованием вспомогательных репродуктивных технологий, усыновленные или находящиеся под постоянной опекой, могут поддерживать отношения со своими биологическими родителями, тогда как дети, чьи родители развелись и вступили в повторный брак, будут иметь биологических и новых приемных родителей. Таким образом, неуместно избегать альтернативных концепций отцовства в контексте договоренностей о суррогатном материнстве. Более того, в этом подходе нет необходимости, поскольку, как указано выше, проблемы, связанные с моделью множественного отцовства, могут быть решены с помощью нормативных актов, которые предположительно определяют обязанности и права каждого родителя.

Даже если бы предпочтение отдавалось дуалистической модели, государства все равно были бы обязаны обеспечить, чтобы дети, зачатые в соответствии с международными соглашениями о суррогатном материнстве, имели доступ к информации о своих биологических и гестационных «родителях» в силу права сохранения своей идентичности. Это право прямо предусмотрено статьей 8 КПП, а также подпадает под действие права на неприкосновенность частной жизни и семейной жизни в соответствии со статьей 16 КПП [4]. Государства обязаны, в соответствии с международным правом, принимать меры для сохранения личности ребенка, и Комитет по правам ребенка подчеркнул, что это распространяется на ведение записей, в том числе сведений о семье. Эта позиция указывает на сильную презумпцию в пользу полного раскрытия информации о биологических родителях ребенка. Более того, как утверждал Фриман, право на идентичность «является правом не быть обманутым в отношении своего истинного происхождения» [15]. Таким образом, даже если гестационная мать не имеет генетической связи с вынашиваемым ею ребенком, знание ее идентичности остается важным и имеет отношение к происхождению ребенка и его самоощущению.

Формирующаяся судебная практика в отношении права на неприкосновенность частной жизни также предполагает, что дети, рожденные в соответствии с договоренностями о суррогатном материнстве, имеют право знать личность лиц, причастных к их рождению. Например, по мнению Европейского суда по правам человека, право на неприкосновенность частной жизни «охватывает физическую, моральную и психологическую неприкосновенность человека... [и] иногда может охватывать аспекты физической и социальной идентичности человека» [14; 742]. Таким образом, право на неприкосновенность частной жизни считается правом на индивидуальное самоопределение. Хотя Европейский суд по правам человека поддерживает идею о том, что право на идентичность, право знать

свое происхождение, является неотъемлемой частью частной жизни. Такой подход убедителен, так как, действительно, было бы неправильным скрывать биологические и гестационные аспекты личности человека от его социальной, физической, моральной и психологической идентичности. Таким образом, если принять, что право человека на неприкосновенность частной жизни включает в себя право знать подробности рождения своей личности, из этого следует, что осуществление этого права будет зависеть от доступа к информации, имеющей значение для личности, включая генетическое и гестационное происхождение. Однако это предложение не требует от государств запрета коммерческого суррогатного материнства. Скорее, государства должны ввести в действие регулирующие структуры, обеспечивающие надлежащее ведение записей и механизмы, позволяющие детям получить доступ к информации о тех людях, которые сыграли генетическую или гестационную роль в их рождении [16]. Таким образом, существует аргумент, согласно которому государство вправе запретить международное суррогатное материнства на этом основании.

Еще один дискуссионный вопрос: «Вредит ли ребенку разлука с гестационной матерью?» Статья 3 КПП требует, чтобы наилучшие интересы ребенка учитывались в первую очередь во всех вопросах, касающихся их. Статья 6 (2) также предоставляет детям право на выживание и развитие, которое распространяется на их физическое, психологическое, социальное и эмоциональное развитие [4]. В контексте договоренностей о суррогатном материнстве существует тенденция предполагать, что разлука ребенка с его/ее гестационной матерью вредно для его/ее развития и, следовательно, противоречит его/ее интересам. Однако допущения и предположения не являются достаточным основанием для оправдания вмешательства. Существуют свидетельства о некотором вредном воздействии разлуки на детей. Но в настоящее время существует очень мало научных исследований в этой области. Примечательно, что несколько проведенных исследований показывают, что разлука не вредна для развития детей [17]. Однако результаты таких исследований имеют ограниченную полезность, поскольку они ограничены размерами выборки, которая с большей вероятностью будет сообщать о положительных последствиях данного влияния. Более того, положительные результаты часто совпадают с тем, что ребенок смог сохранить отношения со своей суррогатной матерью. Этот вариант, который редко, если вообще когда-либо, рассматривается в рамках международного соглашения. Наконец, такие исследования ограничиваются детьми младшего возраста, которым, возможно, не хватает психологической зрелости, чтобы оценить спорный характер того, что может повлиять на их психологическое развитие в более позднем возрасте. Доказательства того, что коммерческие механизмы суррогатного материнства не наносят вреда детям, могут дать государствам право по своему усмотрению разрешать такие механизмы при условии постоянного мониторинга и оценки. Однако было бы преждевременно использовать эти исследования в качестве доказательства того, что международное коммерческое суррогатное материнство не причиняет вреда детям. Наоборот, неопределенность в отношении воздействия на развитие детей, рожденных в таких условиях, такова, что запрет таких механизмов находится в пределах усмотрения государства. Этот дискуссионный вопрос нашел поддержку в трех источниках. Во-первых, сравнительный жизненный опыт детей, подлежащих усыновлению в другой стране, привел к запрету коммерческого усыновления и принципу, согласно которому ребенок будет усыновлен в другом государстве только в том случае, если усыновление в его/ее государстве рождения несовместимо с интересами ребенка [14, 745]. Во-вторых, запрет на продажу ребенка в соответствии с КПП и Факультативным протоколом о торговле детьми [5], распространяется на коммерческое суррогатное материнство. В-третьих, моральные опасения, связанные с коммодификацией* детей и эксплуатацией суррогатных матерей, мы рассматриваем в данной статье ниже. Эти аргументы не предлагают объективных доказательств, обычно требуемых для обоснования ограничения прав.

Другим фактором, который следует учитывать при оценке соблюдения прав ребенка на развитие, являются обязанности родителей направлять ребенка в осуществлении его/ее прав, обеспечении ребенку соответствующего уровня жизни и защиты интересов ребенка. В связи с этим возникает вопрос о том, должны ли государства оценивать способность будущих родителей выполнить эти обязательства. Такая оценка имеет основополагающее значение в контексте усыновления, а определение пригодности в качестве родителя является предпосылкой для законного иностранного усыновления в

* *Примечание.* Коммодификация в данной статье определяется как процесс, превращения суррогатного материнства в товарно-денежные отношения, когда потенциальные родители (заказчики) покупают у суррогатной матери услугу по вынашиванию и рождению ребенка.

соответствии со статьей 5 Гаагской конвенцией о иностранном усыновлении [18]. Потенциальные родители и сторонники суррогатного материнства предположительно будут возражать против таких мер на том основании, что традиционные семьи не подпадают под такое требование и что усыновление можно отличить от договоренностей о суррогатном материнстве по ряду оснований. Например, суррогатное материнство неизменно будет включать генетическую связь по крайней мере между одним предполагаемым родителем и ребенком, и создание ребенка будет преднамеренным, а не случайным. Помимо этих аргументов, с точки зрения прав человека оценка пригодности родителей может рассматриваться как нарушение права на неприкосновенность частной жизни и семейную жизнь. Таким образом, это должно быть оправдано как соразмерная мера для достижения цели. Целью здесь будет защита прав ребенка. Соразмерность оценки пригодности родителей во многом зависит от характера и объема оценки. Нет необходимости далее рассматривать этот вопрос в рамках данной статьи, кроме как отметить, что, хотя этот вопрос может быть спорным, настаивать на такой оценке, возможно, входит в пределы усмотрения государства. Однако с чисто практической точки зрения было бы возможно, хотя и трудно для разрешительного государства, оценить пригодность будущих родителей, которые являются резидентами запретительного государства.

Потенциальные угрозы, возникающие в результате коммерческого суррогатного материнства для прав детей и суррогатных матерей

Существует три основные проблемы защиты прав детей, рожденных в рамках суррогатного материнства: запрет на дискриминацию, защита от всех форм насилия и жестокого обращения и запрет на продажу детей. Регулирование со стороны государства будет способно обеспечить соблюдение первых двух требований, однако будет ли достаточно только запрета на международное коммерческое суррогатное материнство, если такие меры равнозначны продаже ребенка. Статья 2 КПП требует, чтобы государства защищали детей, рожденных в рамках суррогатного материнства, от дискриминации на основании либо их собственного статуса, либо статуса их родителей. Дискриминация, скорее всего, возникает в контексте неопределенности в отношении отцовства или гражданства ребенка, что приводит к тому, что ребенок лишается прав, которыми пользуются другие дети, чье отцовство и гражданство не оспариваются. Важно отметить, что для снижения риска дискриминации не требуется запрета на международное коммерческое суррогатное материнство, а нужны меры по обеспечению того, чтобы дети, рожденные в соответствии с такими договоренностями, не подвергались дискриминации (прямой или косвенной) вследствие этих договоренностей.

Международное право также требует от государств защиты детей от насилия, жестокого обращения или безнадзорности. Хотя данные свидетельствуют о том, что будущие родители суррогатных детей точно также способны стать родителями, как и родители не суррогатных детей, но отдельные случаи с участием суррогатных детей, указывают на то, что это не всегда так. Здесь примечательны два момента. Во-первых, всегда существует риск того, что детям может быть причинен вред, если они будут переданы на попечение взрослых. Во-вторых, этот риск не характерен для соглашений о суррогатном материнстве и, следовательно, не дает оснований для их запрета. Он просто требует от государств принятия разумных мер для обеспечения того, чтобы предполагаемые родители не представляли прямой угрозы для здоровья ребенка. Этот риск может возникнуть, если, например, один из родителей ранее был судим за сексуальные или физические преступления. Такие опасения могут быть выявлены, например, с помощью требования о проверке судимости, которое, хотя и является спорным, тем не менее, менее обременителен, чем перспектива оценки пригодности родителей.

Международное право также запрещает продажу детей [4]. Но приравниваются ли коммерческие услуги суррогатного материнства к продаже ребенка? Статья 2 а Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка о торговле детьми предусматривает, что продажа детей означает любое действие или сделку, посредством которых ребенок передается одним лицом или группой лиц другому лицу за вознаграждение [5]. Но каково значение терминов в рамках этого определения? Толкование любого договора о правах человека является неточной задачей, которая в конечном счете основывается на убедительности предлагаемого толкования [14; 747]. Обычное значение таких терминов, как «передача» и «вознаграждение» указывают на то, что коммерческое суррогатное материнство подпадает под определение продажи ребенка. Проще говоря, такая договоренность предполагает, что ребенок будет вынашиваться до срока и родиться одним человеком (суррогатной матерью) и передан (отдан) другому (будущему родителю (родителям)) в обмен на деньги (вознаграждение). Но интерпретация редко бывает простым упражнением, и это определение поднимает несколько интерпретацион-

ных дилемм. Например, имеет ли значение цель «продажи»? Имеет ли значение наличие у передающих и/или получающих биологическую связь с ребенком? Что означает «передача» и действительно ли ребенок передается в рамках коммерческого соглашения о суррогатном материнстве? Наконец, выплачивается ли вознаграждение «за» передачу ребенка или просто «за» услугу по вынашиванию ребенка?

Предполагаемая цель коммерческого суррогатного материнства не связана с эксплуатацией, и действительно ожидается, что будущие родители обеспечат надлежащий уход и поддержку ребенку. Таким образом, можно утверждать, что коммерческие схемы суррогатного материнства исключают эксплуатацию детей. У этого аргумента есть три проблемы. Во-первых, можно утверждать, что коммерческие схемы суррогатного материнства по своей сути являются эксплуататорскими, поскольку они нарушают достоинство ребенка. Во-вторых, ни текст Факультативного протокола, ни история его разработки не подтверждают этот аргумент. В тексте статьи 2 не упоминаются «эксплуатационные действия», а выражено исключительно широкое определение, запрещающее «любое действие, связанное с передачей ребенка» [5]. Этот вопрос был специально рассмотрен при составлении проекта, и предпочтение было отдано более широкому и всеобъемлющему определению продажи ребенка. Наконец, статья 35 КПП прямо требует, чтобы государства брали на себя все соответствующие национальные, двусторонние и многосторонние меры по предотвращению продажи детей для любых целей и в любой форме [4]. Любопытно, что ни в КПП, ни в Факультативном протоколе не было упоминания о коммерческом суррогатном материнстве. В связи с этим возникает вопрос: «Можно ли рассматривать это умолчание как указание на то, что государства и органы по наблюдению за соблюдением прав человека не обеспокоены международным коммерческим суррогатным материнством?» Однако такой вывод был бы преждевременным по четырем причинам. Во-первых, международное коммерческое суррогатное материнство практически не существовало во время разработки КПП и оставалось минимальным во время разработки Факультативного протокола. Действительно, процветающий глобальный бизнес суррогатного материнства быстро развился в течение последнего десятилетия». Таким образом, возможно, этот вопрос не требовал пристального обсуждения в 1980–1990-х годах. Во-вторых, история разработки Факультативного протокола подтверждает, что государства стремились к расширенному определению торговли детьми, чтобы охватить действия, выходящие за рамки тех, которые предполагались на момент составления. В-третьих, несмотря на то, что государства хранили молчание во время разработки проекта, сейчас только несколько государств прямо разрешают международные коммерческие соглашения, в то время как подавляющее большинство запрещает эту практику. Таким образом, мало оснований утверждать, что, если бы Факультативный протокол был составлен сегодня, другое определение торговли детьми, исключающее коммерческое суррогатное материнство. Наконец, следует придавать ограниченное значение молчанию органов по наблюдению за соблюдением прав человека, которые озабочены наиболее эксплуататорскими и вредными способами продажи и торговли детьми. Таким образом, их неспособность осудить конкретную практику не следует интерпретировать как признак молчаливого одобрения.

Еще один важный вопрос: «Имеет ли значение эта личность лиц, причастных к передаче ребенка?» В тексте Факультативного протокола не упоминается личность лица, передающего ребенка. Скорее, это относится просто к «любому человеку». Таким образом, нет никаких оснований утверждать, что, например, гестационная мать, которая также является биологической матерью, будет иметь право передать ребенка генетическому отцу за вознаграждение, или, альтернативно, что гестационная мать, которая не является биологической матерью ребенка, будет иметь право передать ребенка предполагаемому родителю на том основании, что он/она является биологическим родителем. Если передача ребенка осуществляется за вознаграждение, тот факт, что лицо, передающее и/или принимающее, может иметь биологическую связь с ребенком, не имеет значения в соответствии с международным правом. Эксперты часто придерживаются другой точки зрения, согласно которой получателем ребенка является биологический отец. В таких обстоятельствах считается, что биологическая связь дает право на опеку. В ответ на эту позицию необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, она отражает собственническое представление об отношениях между женщиной и его генетическим потомством, что несовместимо со сдвигом в сторону правового понимания отношений между детьми и их родителями. Как объясняет Хилл, люди могут иметь право собственности на свой генетический материал (сперматозоиды и яйцеклетки), но они не могут владеть никакими творениями, созданными с использованием этого материала [19; 354]. Таким образом, биологическая связь не создает права собственности на ребенка. Во-вторых, даже если бы это было так, именно наличие воз-

награждения приводит к тому, что соглашение о коммерческом суррогатном материнстве нарушает запрет на продажу ребенка в соответствии с международным правом. Биологическая связь с ребенком не дает защиты, если передача осуществляется за вознаграждение.

Другим распространенным оправданием коммерческого суррогатного материнства является то, что оно включает в себя только контракт на услуги по беременности, вынашивания ребенка, а не продажи ребенка. Некоторые эксперты даже проводят аналогию с отношениями между работодателем и работником, когда суррогатная мать — это наемный работник, который предоставляет свою репродуктивную систему (труд) для преобразования генетического материала (капитала), предоставленного будущими родителями, в ребенка [20]. Таким образом, суррогатная мать просто продает свой труд, а не продукт своего труда. Этот процесс можно сравнить с производством «приспособлений» на фабрике. Этот аргумент также подтверждается договорами о суррогатном материнстве, по которым суррогатная мать получает выплаты на различных этапах беременности, а не единовременную выплату при рождении ребенка. Этот аргумент очень проблематичен. Приравнивание роли беременной матери к роли фабричного рабочего унижительно как для женщин, так и для детей. Он не только объективирует и коммодифицирует репродуктивную способность женщины, но и неправильно понимает природу и последствия беременности. Помимо серьезных рисков для здоровья, связанных с беременностью, опыт суррогатной матери резко отличается от опыта фабричной работницы. Ей не нравятся обычные рабочие часы, выходные, сверхурочная работа или отпуска, и она неизменно подвергается инвазивным испытаниям и ограничениям своего образа жизни. Кроме того, ее варианты отличаются от вариантов фабричного рабочего, если будущие родители решат, что им больше не нужен ребенок. Должна ли она сделать аборт, найти альтернативных будущих родителей или взять на себя бремя заботы о ребенке? Более того, если бы коммерческий договор о суррогатном материнстве действительно заключался в услугах, а не в продаже, какие средства правовой защиты были бы доступны, если бы суррогатная мать решила после родов, что она не передаст ребенка будущим родителям? Если бы стороны просто заключили договор на оказание услуг, предполагаемая пара не имела бы права требовать поставки. Однако потенциальные родители не хотели бы возмещения денежного ущерба. Они хотели бы ребенка, и это было бы возможно только при конкретном исполнении договора купли-продажи. Это свидетельствует о неискреннем характере аргумента о договоре на оказание услуг. По коммерческому договору о суррогатном материнстве нет простого ожидания того, что ребенок будет передан — это основная цель договора. Противоположностью этому аргументу является то, что суррогатная мать никогда не имела права сохранять опеку над ребенком. Таким образом, любой приказ о передаче ребенка не будет сродни конкретному исполнению, а будет просто передавать ребенка на попечение тем, кто имеет законное право на опеку. При обычном и предполагаемом ходе событий суррогатная мать физически передает ребенка предполагаемым родителям (или через посредника) и получает платежи от предполагаемых родителей (или посредника) в рассрочку или при передаче ребенка в качестве компенсации за ее репродуктивные усилия. Этот сценарий согласуется с определением продажи ребенка по международному праву, когда цель передачи и личность вовлеченного лица не имеют значения. Таким образом, существуют веские основания полагать, что коммерческое суррогатное материнство противоречит международному праву и должно быть запрещено. Независимо от того, принимается ли этот аргумент, необходимо обратить внимание на два дополнительных соображения. Во-первых, является ли продажа детей предосудительной с моральной точки зрения, так что запрет всегда необходим. И, во-вторых, какие последствия влечет за собой предлагаемый многосторонний договор, если моральный статус международного коммерческого суррогатного материнства остается неопределенным?

Важно ответить на еще один вопрос: «Является ли продажа детей предосудительной с моральной точки зрения?» Для подавляющего большинства людей продать ребенка — значит низвести его/ее до простого объекта, превращение в товар в пользу другого человека. Это означает обращение с ребенком как со средством для достижения цели и при этом лишить его или ее достоинства и лишить его или ее возможности пользоваться своими неотъемлемыми правами. Но так ли это на самом деле, когда ребенка передают по договору суррогатного материнства? Будущие родители, которые обычно тратят значительные финансовые и эмоциональные ресурсы на обеспечение безопасности ребенка, безусловно, оценят ребенка. На самом деле они, вероятно, считают ребенка бесценным. Более того, они будут стремиться любить и заботиться о ребенке и охранять его или ее развитие. Таким образом, в то время как продажа ребенка в целях эксплуатации явно предосудительна, опыт суррогатного ребенка будет существенно другим и, возможно, оправданным с моральной точки зрения.

Может быть, дело в том, что международное право заняло чрезмерно протекционистскую позицию? Это, в свою очередь, поднимает вопрос о том, является ли абсолютный запрет на продажу детей в соответствии с международным правом морально оправданным? Этот вопрос порождает сложные проблемы, касающиеся неотъемлемости рынка, то есть обстоятельства, при которых объект/вещь не должны подлежать передаче в соответствии с рыночным механизмом. Детальное рассмотрение этого вопроса здесь не требуется, достаточно сделать три наблюдения. Во-первых, неудивительно, что среди экспертов нет единого мнения относительно этичности коммерческого суррогатного материнства. Во-вторых, аргумент о том, что эта практика предосудительна с моральной точки зрения, обычно состоит из следующих элементов: независимо от намерений сторон коммерческое суррогатное материнство по-прежнему относится к ребенку как к средству для достижения цели и тем самым подрывает достоинство, согласно которому все люди имеют неотъемлемую ценность [21; 62]. Рынок создания детей также создает риск того, что предпочтение отдается определенным атрибутам, таким как пол, раса, цвет лица, интеллектуальные и физические способности. На ценность суррогатного ребенка может влиять наличие или отсутствие этих атрибутов. Принципы достоинства и равенства, возможно, находятся под угрозой, когда рынок придает финансовую ценность человеческой жизни и физическим или интеллектуальным характеристикам. В ответ сторонники коммерческого суррогатного материнства отвечают следующим образом. Во-первых, идея о том, что коммерческие схемы суррогатного материнства угрожают достоинству детей, является абстрактным аргументом, который следует заменить действительными намерениями сторон и фактическим обращением с ребенком его/ее предполагаемых родителей. Мы выбираем своих партнеров и размножаемся половым путем, а не технологически; в-третьих, такие опасения могут быть преодолены регулированием и что, в любом случае, количество соглашений о суррогатном материнстве настолько мало, что не представляет реальной угрозы достоинству и равенству. Однако реальность такова, что ученые и правозащитники будут продолжать занимать разные позиции в отношении морали коммерческого суррогатного материнства.

С точки зрения данного анализа, в центре внимания которого находится международное право в области прав человека, решение этого вопроса не имеет решающего значения по двум причинам. Во-первых, как утверждалось выше, международное право в области прав человека считает любую продажу ребенка морально предосудительной. Во-вторых, даже если бы была принята противоположная точка зрения и продажа детей считалась бы оправданной с моральной точки зрения, реальность такова, что запретительные государства могут запретить эту практику. Это связано с тем, что государства имеют широкие полномочия по ограничению прав на основе общественной морали. Как поясняется в Сиракузских принципах, хотя общественная мораль меняется со временем и в разных культурах, государства пользуются «определенной свободой усмотрения», когда ссылаются на «общественную мораль как на основание для ограничения прав человека» [13]. Коммерческое суррогатное материнство по отношению к общественной морали почти наверняка попадет в сферу действия этого понимания. Фактически это означает, что запретительные государства могут обосновать свою позицию как минимум двумя причинами: запретом на продажу детей в соответствии с КПП и Факультативным протоколом или их собственным правом, запрещающим эту практику по соображениям общественной морали.

До сих пор мы обсуждали последствия международных коммерческих соглашений для прав ребенка. Важно упомянуть и права суррогатной матери. В ходе обсуждения прав будущих родителей было разъяснено, что право на неприкосновенность частной жизни дает лицам право вступать в личные отношения с целью продолжения рода. Таким образом, решение женщины заключить коммерческое соглашение о суррогатном материнстве будет защищено ее правом на неприкосновенность частной жизни. Международное право в области прав человека предоставляет женщинам репродуктивную автономию, и любая попытка ограничить ее должна быть оправдана как разумная во всех обстоятельствах. Два аргумента, обычно приводимые в оправдание запрета на коммерческое суррогатное материнство, заключаются в следующем: 1) такие договоренности являются эксплуататорскими, и согласие суррогатной матери не может считаться свободным и полностью осознанным; 2) даже при отсутствии эксплуатации по-прежнему используются только женские репродуктивные системы и тем самым поддерживается гендерное неравенство. Выдерживает ли какой-либо из этих аргументов проверку? Являются ли международные коммерческие соглашения о суррогатном материнстве обязательно эксплуататорскими? Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин конкретно не запрещает эксплуатацию женщин [22]. Таким образом, если государство запрещает

суррогатное материнство на том основании, что эти соглашения являются (или могут быть) эксплуатацией женщин, последующее вмешательство в права предполагаемых родителей должно быть оправдано на том основании, что было необходимо защищать общественную нравственность. Но обязательно ли такие договоренности являются эксплуататорскими? В последние годы наблюдается заметное увеличение числа международных коммерческих соглашений о суррогатном материнстве, особенно в Индии и в постсоветских странах. Суррогатные матери, которые участвуют в них, неизменно принадлежат к более низкому социально-экономическому положению и получают за свои услуги значительно меньше, чем, например, женщины в США. Является ли эта дифференцированная оплата эксплуататорской? Моральное возмущение может подпитывать аргумент о том, что индийским женщинам не следует платить меньше за предоставление той же «услуги» и доставки того же «продукта». Логика этого аргумента, однако, сделала бы эксплуататорской любую практику в развивающейся стране, за которую получают меньшее вознаграждение, чем в развитой стране, и требующую запрета. Это не практично и не точно. Многие женщины в развивающихся странах получают выплаты по международным соглашениям о суррогатном материнстве, которые значительно превышают местные ставки заработной платы и обеспечивают этим женщинам и их семьям значительную финансовую поддержку. Такие договоренности не могут считаться эксплуататорскими, если согласие женщины является свободным и полностью осознанным. Однако данные указывают на серьезные недостатки в процессе, ведущем к соглашению о суррогатном материнстве, и предполагают, что суррогатные матери могут быть не полностью информированы о своих правах или обязанностях по этим контрактам. Например, распространены сообщения об отсутствии независимых консультаций или переводчиков для суррогатных матерей в развивающихся странах, которые часто неграмотны и подписывают договор на языке, которого она не понимает. Трудно представить, как согласие в этих обстоятельствах когда-либо могло быть свободным [14; 749].

Но всегда ли международное соглашение о суррогатном материнстве с женщиной из более низкого социально-экономического положения в развивающейся стране будет эксплуататорским? Стронники этой практики утверждают, что риск эксплуатации можно снизить с помощью регулирования. Действительно, один исследователь отстаивает подход, основанный на использовании принципов справедливой торговли, применяемых на международном рынке кофе [23; 111]. Теоретически регулирование может уменьшить риск эксплуатации. Однако на практике было бы разумно усомниться в способности развивающихся государств как создавать, так и эффективно обеспечивать соблюдение необходимой нормативно-правовой базы. Опыт в области международного усыновления, когда многие развивающиеся государства не в состоянии эффективно регулировать эту практику, подтверждает эту точку зрения. Реальность такова, что меры, необходимые для обеспечения того, чтобы женщина предоставила свое полностью информированное и свободное согласие, являются существенными. Для обеспечения эффективности этих мер необходимо выделить значительные ресурсы. Государства могут не располагать этими ресурсами и/или могут быть препятствия для их принятия, поскольку они увеличат стоимость коммерческого суррогатного материнства и тем самым снизят сравнительные ценовые преимущества, которыми в настоящее время пользуются развивающиеся государства.

Таким образом, хотя международное коммерческое суррогатное материнство само по себе не может быть эксплуататорским, у государства будут разумные основания для отказа в признании этих договоренностей в отсутствие доказательств наличия эффективных механизмов, обеспечивающих свободное и информированное согласие суррогатных матерей. Это предложение, однако, не требует запрета международного коммерческого суррогатного материнства, а только приверженности эффективному регулированию, при этом отдельные государства оставляют за собой право отказаться признавать соглашения о суррогатном материнстве в государствах, где есть разумные основания полагать, что согласие суррогатных матерей может не быть свободным и полностью информированным.

Последний дискуссионный вопрос, который мы рассмотрим в рамках данной статьи: «Поддерживают ли коммерческие механизмы суррогатного материнства гендерное неравенство?» Для экспертов-феминисток, таких как Дебра Сатц, коммерческое суррогатное материнство (или «беременность по контракту») неприемлемо с моральной точки зрения, поскольку оно поддерживает гендерное неравенство [24]. Этот аргумент основан на трех основаниях. Во-первых, коммерческие схемы суррогатного материнства способствуют «расширению доступа к женскому телу и контролю над ним. Эти схемы обычно предусматривают значительный контроль над образом жизни женщин во время беременности; требуют прохождения различных тестов и предусматривают прерывание бере-

менности, если, например, суррогатная мать имеет отрицательный результат амниоцентеза или вынашивает многоплодие. Для Сац проблема заключается не в том, что контракт «дает контроль над чужим телом», а в том, что тело, которое «контролируется», принадлежит женщине в обществе, которое исторически подчиняло женские интересы интересам мужчин, в первую очередь посредством своего контроля над женской сексуальностью и репродукцией [24]. Во-вторых, коммерческие механизмы суррогатного материнства усиливают негативные стереотипы о женщинах как о «детских машинах». В-третьих, эти механизмы создают риск того, что «материнство будет определяться с точки зрения генетического материала» [24]. Также в судебных постановлениях и комментариях к отцовству не принимается во внимание уникальный вклад женщины во время беременности в создан[4]. Таким образом, коммерческое суррогатное материнство неприемлемо с моральной точки зрения, поскольку оно поддерживает это неравенство. Неудивительно, что другие эксперты спорят и утверждают, что суррогатное материнство, наоборот, может расширить возможности женщин, что женщины, выступающие в качестве суррогатных матерей, не сожалеют о том, что они участвовали в этой практике, и что регулирующий подход со стороны государства может решить проблему эксплуатации женского тела [25]. Нам нет необходимости решать, какая позиция является более убедительной, поскольку реальность такова, что, как и в случае с правами детей, моральные возражения против этой практики достаточно обоснованы, чтобы подпадать под усмотрение государства, запрещающего коммерческое суррогатное материнство на основе общественной морали.

Выводы

Таким образом, независимо от того, рассматривается ли этот вопрос с точки зрения ребенка или суррогатной матери, многосторонний договор сталкивается со значительными препятствиями. Даже если такой договор будет заключен, независимо от того, будет ли он запретительным или разрешительным, потребуется значительное время для переговоров и составления проекта. Таким образом, государства должны разработать промежуточный ответ, соответствующий их международным обязательствам в области прав человека. Как тогда может выглядеть этот ответ?

Если государство запрещает коммерческое суррогатное материнство в пределах своей юрисдикции, это должно сопровождаться эффективными мерами, препятствующими практике за пределами его границ. В некоторых юрисдикциях детям, рожденным в соответствии с такими договоренностями, запрещается въезд в запретительное государство. Этот подход потенциально делает ребенка лицом без гражданства и поднимает сложные вопросы, касающиеся ухода за ребенком и того, что отвечает его/ее наилучшим интересам. Как только международное суррогатное материнство зашло так далеко, в интересах ребенка неизменно будет оставаться со своими будущими родителями (если только гестационная мать не желает заботиться о ребенке), поскольку единственными другими вариантами будут приемная семья или усыновление. Именно в этом контексте сотрудники иммиграционной службы, суды или дипломатические переговоры, как правило, разрешают ребенку въезд в запретительное государство. Такой «сбой» явно проблематичен, а также потенциально несовместим с любым обязательством по защите женщин от эксплуатации и запрету на продажу детей. В результате нынешний подход является неустойчивым и запретительные государства должны принять более эффективные меры для сдерживания и ограничения возможностей людей вступать в международные коммерческие соглашения о суррогатном материнстве.

Это может включать в себя несколько инициатив, из которых образование и повышение информационной осведомленности, возможно, являются наиболее важными и в настоящее время наименее развитыми процедурами. В запретительных государствах очень мало общедоступной информации о статусе или проблемном характере этих договоренностей. Даже простые меры, такие как скоординированные образовательные кампании в сочетании с информацией, размещенной в аэропортах, поликлиниках, общественном транспорте, обеспечат осведомленность потенциальных родителей о соответствующем законе.

Во-вторых, существует очень ограниченное регулирование агентств, которые содействуют международным договорам о суррогатном материнстве. В настоящее время существуют сильные финансовые стимулы для оказания помощи парам (и отдельным лицам) в заключении международных соглашений о суррогатном материнстве. Однако эти стимулы могут быть ограничены, если такие агентства столкнутся с перспективой финансовых санкций за свое участие в этих договоренностях. Запретительные государства также должны принять меры, чтобы уменьшить стимулы для будущих родителей вступать в международные коммерческие соглашения о суррогатном материнстве. Они

могут включать в себя поправки к регулированию внутренних альтруистических механизмов суррогатного материнства, а также усыновления и патронатной семьи, которые часто неоправданно обременительны и создают неразумные условия для будущих родителей, которые берут на себя заботу о ребенке внутри страны [26].

Важно отметить, что для полной реализации мер по повышению осведомленности и снижения стимулов для вступления в такие соглашения потребуется время. Тем временем мораторий на коммерческое суррогатное материнство может быть распространен на тех, кто уже заключил такие соглашения и ожидает возвращения или недавно вернулся в свою страну с ребенком. Здесь остается необходимость определения гражданства детей и отцовства в соответствии с международным правом в области прав человека.

В пределах границ решение об отцовстве и гражданстве КНР предусматривает, что ребенок имеет право на сохранение своего гражданства. К сожалению, в нем не содержится указаний относительно того, как должно определяться гражданство ребенка. Комитет по правам ребенка также не рассматривал эту проблему. Детальное обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной статьи. Однако достаточно отметить, что любая оценка гражданства ребенка будет основываться на законах о гражданстве как разрешительных, так и запрещающих государств. Международное публичное право не дает решения по этому вопросу, кроме требования, чтобы ребенок не оставался без гражданства (это было бы несовместимо с обязательством сохранять гражданство ребенка).

Что касается вопроса об отцовстве ребенка, то существует ряд возможных сценариев. Как отмечалось выше, за ребенком может быть признано наличие до пяти родителей и не менее трех. Однако когда предполагаемые родители прибывают в запретительное государство, реальность такова, что максимум два человека стремятся утвердиться в качестве родителей. Это создает дилемму для запретительных государств, потому что признание таких лиц в качестве родителей будет фактически поддерживать и санкционировать действия, которые являются незаконными в соответствии с внутренним законодательством (и, возможно, несовместимыми с международным правом). Однако против этой дилеммы следует противопоставить тот факт, что какой бы подход ни был принят в отношении отцовства государством, поддерживающим запреты (и/или его судами), статья 3 КНР требует, чтобы в первую очередь учитывались наилучшие интересы ребенка. Различные подходы к этой дилемме иллюстрируются некоторыми недавними решениями Суда по семейным делам Австралии. В одной серии дел судья был готов выдать будущим родителям приказ о воспитании, но не заявление о признании их отцовства. Воспитание было оправданно как отвечающий наилучшим интересам ребенка, поскольку оно гарантировало, что кто-то несет юридическую ответственность за ребенка в Австралии (в обстоятельствах, когда гестационная мать не предпринимала никаких попыток вернуть ребенка под ее опеку). Однако судья не был готов признать отцовство предполагаемого отца, потому что это узаконило бы действия, запрещенные национальным законодательством и, следовательно, противоречащие публичному порядку.

В другом деле председательствующий судья придерживался иной точки зрения и признал отцовство на том основании, что это было необходимо для сведения к минимуму вреда детям (которые были близнецами) [26]. Эта позиция в большей степени соответствует международному праву в области прав человека, когда ребенок, рожденный в результате незаконной практики, не должен, если это возможно, нести какое-либо бремя в результате ее незаконности. Но такой подход по-прежнему способствует и узаконивает практику, которая является незаконной в соответствии с внутренним и, возможно, международным правом. Таким образом, хотя это может быть оправдано как необходимая временная мера для защиты наилучших интересов ребенка, это неустойчивый и незащищенный подход.

Таким образом, при оценке надлежащего ответа на международное коммерческое суррогатное материнство не неизбежность этой практики, а ее нравственность определяет, следует ли ее терпеть или запрещать. Во-вторых, с точки зрения международного права в области прав человека (которое также отражает определенные моральные принципы) можно утверждать, что международное коммерческое суррогатное материнство должно быть запрещено по одному из трех возможных оснований: это равносильно продаже ребенка, связано с риском эксплуатацией женщин, особенно в развивающихся странах; и/или поддерживает гендерное неравенство.

В-третьих, идея о том, что простое регулирование международного коммерческого суррогатного материнства является прагматичным и функциональным ответом на дилеммы, связанные с этой практикой, неуместна. Напротив, в глобальных условиях, где запрет на эту практику остается нормой, а

не исключением, государствам, придерживающимся запрета, может быть неуместно ратифицировать многосторонний договор, который обязывает их признавать коммерческие суррогатные соглашения, заключенные в разрешительных юрисдикциях. Таким образом, многостороннее регулирование, далеко не являясь прагматичным и функциональным ответом, вряд ли будет реалистичным вариантом в текущей ситуации. Запретительный подход является гораздо более реалистичным вариантом и будет соответствовать международному праву человека, если он признает, что коммерческие соглашения о суррогатном материнстве равносильны продаже ребенка. Этот вывод может не утешить тех, у кого есть законное и понятное желание иметь детей. Их желание, однако, не требует терпимости к практике, которая, возможно, поддерживает гендерное неравенство и потенциально нарушает права суррогатных матерей и детей, которых они рожают.

Список литературы

- 1 Tobin J. To prohibit or permit: what is the (human) rights response to the practice of international commercial surrogacy? [Electronic resource] / J. Tobin // *The International and Comparative Law Quarterly*, April 2014. — Vol. 63, No. 2. — P. 317-352. — Access mode: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-and-comparative-law-quarterly/article/abs/to-prohibit-or-permit-what-is-the-human-rights-response-to-the-practice-of-international-commercial-surrogacy/CB88480829B7D13E21037DD80EA4DF8C>
- 2 Permanent Bureau of the Hague Conference on Private International Law, A Preliminary Report on the Issues from International Surrogacy Arrangements, Preliminary Document No 10. March 2012. — P. 17-35. — [Electronic resource]. Access mode: <https://assets.hcch.net/docs/d4ff8ecd-f747-46da-86c3-61074e9b17fe.pdf>
- 3 Hanna J.K. Revisiting child-based objections to commercial surrogacy [Electronic resource] / JK. Hanna // *Bioethics*. — 2010 Sep; 24(7). — 341-7. — Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20690918/>
- 4 Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
- 5 Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии. Принят резолюцией 54/263 Генеральной Ассамблеи от 25 мая 2000 года. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml
- 6 Preliminary report of the President on the work of the informal plenary on settlement of disputes. — [Electronic resource]. Access mode: <https://digitallibrary.un.org/record/11949?ln=ru>
- 7 International Law Commission, Report of the Study Group on Fragmentation of International Law, 54th Session of the International Law Commission, Geneva, 29 April - 7 June and 22 July-16 August 2002, A/CN.4/L.628, [4911]. — [Electronic resource]. Access mode: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf
- 8 Habermas J. The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights (2010) 41. — [Electronic resource]. Access mode: <https://www.jstor.org/stable/24439631>
- 9 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
- 10 Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
- 11 Tobin J. Public International Law and the Regulation of Private Spaces: Does the Convention on the Rights of the Child Impose an Obligation on States to Allow Gay and Lesbian Couples to Adopt? (2009) 23 April, pp. 110-131 [Electronic resource]. / J. Tobin, R. McNair. — Access mode: <https://academic.oup.com/lawfam/article-abstract/23/1/110/921209>
- 12 Committee on the Rights of the Child, The Role of the Family the Promotion of the Rights of the Child, 7th Session 10 October 1994 CRC. — [Electronic resource]. Access mode: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/HRBodies/CRC/Documents/Recommendations/family.pdf>
- 13 Siracusa Principles on the Limitation and Derogation of Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights, Annex, UN Doc E/CN.4/ 1984/4 (28 September 1984). — [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.icj.org/wp-content/uploads/1984/07/Siracusa-principles-ICCPR-legal-submission-1985-eng.pdf>
- 14 Tobin J. Donor-conceived individuals and access to information about their genetic origins: the relevance and role of rights / J. Tobin // *J Law Med*. 2012 Jun. — Vol. 19(4). — P. 742-57. — [Electronic resource]. — Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22908617/>
- 15 Freeman M. The New Birth Right? Identity and the Child of the Reproduction Revolution' [Electronic resource] / M. Freeman // *4 International Journal of Children's Rights* 273. — Access mode: <https://www.lawreform.vic.gov.au/wp-content/uploads/2021/07/TobinpaperFINAL.pdf>
- 16 Woodhouse B. Are You My Mother? Conceptualising Children's Identity Rights in Transracial Adoptions [Electronic resource] / B. Woodhouse // *Duke Journal of Gender Law and Policy* 107. — 1995. Access mode: <https://core.ac.uk/download/pdf/62548346.pdf>

- 17 Jadva V. Surrogacy families 10 years on: relationship with the surrogate, decisions over disclosure and children's understanding of their surrogacy origins [Electronic resource] / V. Jadva, L. Blake, P. Casey, S. Golombok // Hum Reprod. — 2012 Oct; 27 (10). — P. 3008-14. Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22814484/>
- 18 Выполнение и действие Гаагской конвенции о международном усыновлении 1993 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/2411/file/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20.pdf>
- 19 Hill J. What Does It Mean to Be a “Parent”? The Claims of Bioleov as the Basis for Parental Rights' 0991) 66 NYULRev 354. 386. [Electronic resource] / J. Hill. — Access mode: <https://www.jstor.org/stable/43301607>
- 20 Drumbl M. Reimagining Child Soldiers in International Law and Policy [Electronic resource] / M. Drumbl // European Journal of International Law. — 2013. — February. — Volume 24. — Issue 1. — Pages 449–452. — Access mode: <https://academic.oup.com/ejil/article/24/1/449/438421>
- 21 Sandel M. What Isn't For Sale? (April 2012) 309(3) Atlantic Monthly [Electronic resource] / M. Sandel. — Access mode: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2012/04/what-isnt-for-sale/308902/>
- 22 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women>
- 23 Humbyrd C. Fair trade international surrogacy / C. Humbyrd // Dev World Bioeth. — 2009. — 9(3). — 111-8. — Access mode: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19508290/>
- 24 Satz D. Why Some Things Should Not be for Sale: The Moral Limits of Markets (OUP 2010) [Electronic resource] / D.Satz. — Access mode: <https://academic.oup.com/book/1465>
- 25 Simmons K. Reforming the Surrogacy Laws of Australia: Some Thoughts, Considerations and All [Electronic resource] / K. Simmons. — Access mode: <https://research-repository.griffith.edu.au/handle/10072/30246>
- 26 Keyes M. Cross-Border Surrogacy Arrangements (2012) 26 Australian Journal of Family Law 2/ [Electronic resource]. — Access mode: https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/48503/80585_1.pdf

М.А. Сейдинова

Халықаралық құқық және коммерциялық суррогат ана: тыйым салу немесе рұқсат беру

Суррогат ана туралы халықаралық коммерциялық келісімдердің қарқынды дамуы суррогат аналардан туған балалардың азаматтығына және коммерциялық суррогат ана болу шарттарына сәйкес дүниеге келген балалардың әке болуына, сондай-ақ суррогат аналарды әлеуетті қанау мәселесінің туындауына қатысты елеулі этикалық және құқықтық дилеммалар тудырды. Мақалада дилеммалар мемлекеттің осы тәжірибеге қатысты тыйым салу немесе рұқсат беру тәсілін қолдану керектігін анықтау үшін адам құқықтары саласындағы халықаралық құқық объективі ретінде қарастырылған. Автор коммерциялық суррогат ана болуды тәжірибе ретінде немесе болжамды ата-ана суррогат анаға тікелей немесе делдал арқылы суррогат ана шеккен нақты жеке шығындардан тыс қаржылық сыйақы төлейтін келісім ретінде анықтайды. Жеке өмірге қол сұғылмаушылық құқығы суррогат ана туралы келісім жасасу құқығын қамтитындай кең деп айтылады. Алайда, егер бұл басқа адамдардың құқықтарын қорғау және/немесе қоғамдық моральды қорғау үшін қажет болса, мемлекеттер бұл құқықты шектей алады. Бұл тұрғыда коммерциялық суррогат ана болу бірнеше себептерге байланысты өзекті болып табылады. Біріншіден, бұл баланы сатумен тең деп айтуға толық негіз бар. Екіншіден, коммерциялық суррогат ана болу моральдық тұрғыдан қолайсыз деген дәлелдер бар, өйткені ол гендерлік теңсіздікті күшейтеді. Суррогат аналарды әлеуетті қанаудан жеткілікті қорғауды қамтамасыз ету қиын (әсіресе әйелдер кедейлік салдарынан коммерциялық суррогат ана болуға жиі келісетін дамушы елдерде). Егер осы дәлелдердің кез келгені қабылданса, онда халықаралық құқық шеңберінде мемлекеттерден коммерциялық суррогат аналыққа тыйым салуды талап етуге болады. Сонымен қатар, егер бұл дәлелдер даулы болып қалса да, мемлекеттерге адам құқықтары саласындағы міндеттемелерін орындау кезінде берілген, олар коммерциялық суррогат ана болуға тыйым салуды негіздеу үшін осы дәлелдерге сене алады. Бұл тұжырым халықаралық коммерциялық суррогат аналықты реттейтін кез келген ықтимал көпжақты келісімшартқа елеулі әсер етеді, егер бұл тәжірибеге тыйым салмаса және бұл жағдайда халықаралық альтруистік суррогат аналыққа деген сұраныстың жоқтығын ескере отырып, оның пайдалылығы шектеулі болады.

Кілт сөздер: балалар құқығы, коммерциялық суррогат ана, адам құқығы, халықаралық құқық, халықаралық жеке құқық, әйелдер құқығы, рұқсат беру тәсілі, тыйым салу тәсілі, мемлекет.

M.A. Seidinova

International law and commercial surrogacy: forbid or allow

The intensive development of international commercial surrogacy agreements has created serious ethical and legal dilemmas regarding the citizenship of children born by surrogate mothers and the paternity of children conceived under the terms of commercial surrogacy, as well as the potential exploitation of surrogate mothers. This article examines these dilemmas through the lens of international human rights law to determine whether a state should adopt a prohibitive or permissive approach to this practice. In the article, the author defines commercial surrogacy as the practice or arrangement whereby the intended parent(s) pay the surrogate mother, directly or through an intermediary, a financial reward in addition to the actual out-of-pocket expenses incurred by the surrogate mother. It is argued that the right to privacy is broad enough to cover the right to enter into a surrogacy agreement. However, states may restrict this right if necessary to protect the rights of others and/or protect public morals. In this context, commercial surrogacy is problematic for several reasons. First, there are good reasons to believe that this amounts to the sale of a child. Second, there are arguments that commercial surrogacy is morally unacceptable because it reinforces gender inequality. It is difficult to provide sufficient protection against the potential exploitation of surrogate mothers (especially in developing countries, where women often accept commercial surrogacy due to poverty). If either of these arguments is accepted, then under international law states can be required to ban commercial surrogacy. Moreover, even if these arguments remain controversial, provided to states in fulfilling their human rights obligations are such that they can still rely on these arguments to justify a ban on commercial surrogacy. This finding has serious implications for any potential multilateral treaty governing international commercial surrogacy, unless it prohibits the practice, in which case its usefulness would be limited given the little or no demand for international altruistic surrogacy.

Keywords: children's rights, commercial surrogacy, human rights, international law, private international law, women's rights, permissive approach, prohibitive approach, state.

References

- 1 Tobin, J. (2014). To prohibit or permit: what is the (human) rights response to the practice of international commercial surrogacy? *The International and Comparative Law Quarterly*, 63(2), 317-352. Retrieved from <https://www.cambridge.org/core/journals/international-and-comparative-law-quarterly/article/abs/to-prohibit-or-permit-what-is-the-human-rights-response-to-the-practice-of-international-commercial-surrogacy/CB88480829B7D13E21037DD80EA4DF8C>.
- 2 (2012). *Permanent Bureau of the Hague Conference on Private International Law, A Preliminary Report on the Issues from International Surrogacy Arrangements, Preliminary Document*, No 10, pp. 17-35. Retrieved from <https://assets.hcch.net/docs/d4ff8ecd-f747-46da-86c3-61074e9b17fe.pdf>.
- 3 Hanna, J.K. (2010). Revisiting child-based objections to commercial surrogacy. *Bioethics*, 24(7), 341-7. Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/20690918/>.
- 4 *Konventsiia o pravakh rebenka. Priniata rezolyutsiei 44/25 Generalnoi Assamblei OON ot 20 noiabria 1989 goda [Convention on the Rights of the Child. Adopted by resolution 44/25 of the UN General Assembly on November 20, 1989]*. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml [in Russian].
- 5 *Fakultativnyi protokol k Konventsii o pravakh rebenka, kasaiushchikhsia trgovli detmi, detskoj prostitutsii i detskoj pornografii. Priniat rezolyutsiei 54/263 Generalnoi Assamblei ot 25 maia 2000 goda [Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the sale of children, child prostitution and child pornography. Adopted by General Assembly resolution 54/263 of May 25, 2000]*. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/rightschild_protocol2.shtml [in Russian].
- 6 *Preliminary report of the President on the work of the informal plenary on settlement of disputes*. Retrieved from <https://digitallibrary.un.org/record/11949?ln=ru>.
- 7 *International Law Commission, Report of the Study Group on Fragmentation of International Law, 54th Session of the International Law Commission, Geneva, 29 April - 7 June and 22 July-16 August 2002, A/CN.4/L.628, [4911]*. Retrieved from https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_1682.pdf.
- 8 Habermas, J. (2010). The Concept of Human Dignity and the Realistic Utopia of Human Rights. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/24439631>.
- 9 *Mezhdunarodnyi pakt ob ekonomicheskikh, sotsialnykh i kulturnykh pravakh. Prinyat Rezolyutsiei 2200 A (XXI) Generalnoi Assamblei ot 16 dekabria 1966 goda [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966]*. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml [in Russian].
- 10 *Mezhdunarodnyi pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Priniat Rezolyutsiei 2200 A (XXI) Generalnoi Assamblei ot 16 dekabria 1966 goda [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by General Assembly resolution 2200 A (XXI) of December 16, 1966]*. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml [in Russian].

11 Tobin, J., & McNair, R. (2009). Public International Law and the Regulation of Private Spaces: Does the Convention on the Rights of the Child Impose an Obligation on States to Allow Gay and Lesbian Couples to Adopt? 23 April, pp. 110-131. Retrieved from <https://academic.oup.com/lawfam/article-abstract/23/1/110/921209>.

12 Committee on the Rights of the Child, The Role of the Family in the Promotion of the Rights of the Child, 7th Session 10 October 1994 CRC. Retrieved from <https://www.ohchr.org/sites/default/files/HRBodies/CRC/Documents/Recommandations/family.pdf>.

13 Siracusa Principles on the Limitation and Derogation of Provisions in the International Covenant on Civil and Political Rights, Annex, UN Doc E/CN.4/1984/4 (28 September 1984). Retrieved from <https://www.icj.org/wp-content/uploads/1984/07/Siracusa-principles-ICCPR-legal-submission-1985-eng.pdf>.

14 Tobin, J. (2012). Donor-conceived individuals and access to information about their genetic origins: the relevance and role of rights. *J Law Med. Jun*, 19(4), 742-57. Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22908617/>.

15 Freeman, M. (1996). The New Birth Right? Identity and the Child of the Reproduction Revolution. *4 International Journal of Children's Rights* 273. Retrieved from <https://www.lawreform.vic.gov.au/wp-content/uploads/2021/07/TobinpaperFINAL.pdf>.

16 Woodhouse, B. (1995). Are You My Mother? Conceptualising Children's Identity Rights in Transracial Adoptions. *Duke Journal of Gender Law and Policy* 107. Retrieved from <https://core.ac.uk/download/pdf/62548346.pdf>.

17 Jadva, V., Blake, L., Casey, P., & Golombok, S. (2012). Surrogacy families 10 years on: relationship with the surrogate, decisions over disclosure and children's understanding of their surrogacy origins. *Hum Reprod. Oct*, 27(10), 3008-14. Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22814484>.

18 *Vypolnenie i deistvie Gaagskoi konventsii o mezhdunarodnom usynovlenii 1993 g. [Implementation and Operation of the 1993 Hague Convention on Intercountry Adoption]*. Retrieved from <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/2411/file/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20.pdf> [in Russian].

19 Hill, J. (1991). What Does It Mean to Be a "Parent"? The Claims of Bioloev as the Basis for Parental Rights' 1991) 66 *NYULRev* 354. 386. Retrieved from <https://www.jstor.org/stable/43301607>.

20 Drumb, M. (2013). Reimagining Child Soldiers in International Law and Policy. *European Journal of International Law*, 24(1), 449-452. Retrieved from <https://academic.oup.com/ejil/article/24/1/449/438421>.

21 Sandel, M. (2012). What Isn't For Sale? 309(3) *Atlantic Monthly* 62. Retrieved from <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2012/04/what-isnt-for-sale/308902>.

22 *Konventsiia o likvidatsii vseh form diskriminatsii v otnoshenii zhenshchin*, Nyu-York, 18 dekabria 1979 g. [Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women, New York, December 18, 1979]. Retrieved from https://www.ohchr.org/ru/instruments-mechanisms/instruments/convention-elimination-all-forms-discrimination-against-women_ [in Russian].

23 Humbyrd, C. (2009). Fair trade international surrogacy. *Dev World Bioeth*, 9(3), 111-8. Retrieved from <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/19508290>.

24 Satz, D. (2010). Why Some Things Should Not be for Sale: The Moral Limits of Markets. Retrieved from <https://academic.oup.com/book/1465>.

25 Simmons, K. (2017). Reforming the Surrogacy Laws of Australia: Some Thoughts, Considerations and All. Retrieved from <https://research-repository.griffith.edu.au/handle/10072/30246>.

26 Keyes, M. (2012) Cross-Border Surrogacy Arrangements. 26 *Australian Journal of Family Law* 2. Retrieved from https://research-repository.griffith.edu.au/bitstream/handle/10072/48503/80585_1.pdf [in English].